

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО
«ХОДЖАЕВ (KHODZHAYEV) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Жалоба № 52466/08)

Постановление Суда

СТРАСБУРГ

12 мая 2010 г.

Настоящее постановление станет окончательным при наступлении обстоятельств, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть предметом редакторских правок.

По делу «Ходжаев против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседающий Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Суда*,
Нины Ваич,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штейнер,
Ханлара Гаджиева,
Дина Шпильманна,
Джорджио Малинверни, *судей*
а также при участии Серена Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,
заседая за закрытыми дверями 22 апреля 2010 года,
вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№52466/08), поданной в Европейский Суд против Российской Федерации 31 октября 2008 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») гражданином Таджикистана – г-ном Зикруллохом Исматуллоевичем Ходжаевым (далее «заявитель»).
2. Власти Российской Федерации (далее «Власти») были представлены уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-ном Г. Матюшкиным.
3. 3 ноября 2008 года Председатель Первой Секции принял решение о применении Правила 39 Регламента Европейского Суда, тем самым обязав Власти не выдавать заявителя в Таджикистан без получения дополнительного уведомления.
4. 17 декабря 2008 года Председатель Первой Секции принял решение о применении Правила 41 Регламента Европейского Суда, тем самым установив приоритетность рассмотрения жалобы, а также уведомил о поданной жалобе Власти. Суд также принял решение одновременно рассмотреть жалобу по существу и по вопросу приемлемости (Статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1977 году и проживает в г. Хунджанд, Таджикистан. В настоящее время он проживает в г. Москве.

A. Сообщение заявителя по делу

1. Предыстория судебного дела

6. Заявитель исповедует ислам. Он утверждает, что он никогда не являлся членом каких-либо политических организаций, включая Хизб ут-Тахрир (далее – «ХТ»), исламскую организацию, деятельность которой запрещена на территории России, Германии и некоторых республик Центральной Африки, но, тем не менее, подвергался преследованию со стороны органов власти Таджикистана в связи с предполагаемым членством в этой организации.

7. По решению Министерства безопасности Таджикистана 22 июня 2000 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по факту его членства в «незаконной экстремистской религиозной партии «Хизб ут-Тахрир». В решении утверждалось, что заявитель совершил ряд тяжких и особо тяжких преступлений, а именно, подстрекательство к насильственному изменению политического режима в Таджикистане и распространение материалов, направленных на разжигание религиозной вражды. В тот же день Министерство безопасности Таджикистана включило заявителя в список лиц, находящихся в розыске, издало постановление о его аресте и приостановило расследование, так как местонахождение заявителя было неизвестно.

8. Заявитель бежал в Москву в 2001 году.

9. С 27 октября по 7 декабря 2001 года заявитель содержался под стражей в России в ожидании экстрадиции. Впоследствии он был освобожден из-под стражи, так как не было получено официальное требование о его выдаче.

10. Заявитель зарегистрировался по месту жительства в России соответствующими органами власти.

2. Разбирательство по вопросу экстрадиции

11. 28 ноября 2007 года заявитель был задержан сотрудниками Управления Федеральной службы безопасности по Москве и Московской области (далее «УФСБ по Москве») и сотрудниками Одинцовского Управления внутренних дел (далее «Одинцовское УВД»).

12. Утром 30 ноября 2007 года заявитель был допрошен в отсутствие адвоката. Сотрудники, проводившие допрос, угрожали заявителю применением силы в отношении его и его семьи, если он добровольно не согласится уехать из России в Таджикистан. По словам заявителя, в ходе допроса ему не сообщили о причинах его задержания. Кроме этого, в течение последующих двух недель содержания под стражей ему не был предоставлен адвокат.

13. 30 ноября 2007 года Одинцовский городской суд Московской области («Городской суд») принял решение о заключении заявителя под стражу в виду рассмотрения вопроса о его экстрадиции. Срок заключения под стражу установлен не был.

14. В период с 30 ноября 2007 года по 30 января 2008 года заявитель содержался в СИЗО Одинцовского УВД. Между тем, его жена была выслана в Таджикистан.

15. 21 декабря 2007 года Генеральный прокурор Таджикистана направил запрос Генеральному прокурору России о выдаче заявителя и приложил копию постановления от 22 июня 2000 года по обвинению заявителя в членстве в запрещенной организации, а также копию постановления о розыске.

16. 4 июня 2008 года Заместитель генерального прокурора России вынес постановление о выдаче заявителя в Таджикистан для привлечения его к уголовной ответственности. В постановлении было указано, что заявитель обвинялся в членстве в запрещенной религиозно – экстремистской организации и распространении материалов, направленных на разжигание религиозной вражды.

17. 4 июня 2008 года заявитель обжаловал постановление о выдаче в суд.

18. 22 августа 2008 года Московский городской суд отклонил жалобу на постановление от 4 июня 2008 года. Суд пояснил, что не имелось никаких законных препятствий к выдаче заявителя в Таджикистан, так как заявитель являлся гражданином Таджикистана, и его заявление о предоставлении политического убежища было отклонено. Утверждение заявителя о том, что он был невиновен в преступлениях, в совершении которых его обвиняли, было рассмотрено судом и отклонено «на том основании, что фальсификация обвинения в отношении заявителя правоохранительными органами Таджикистана не является предметом разбирательства в российском суде». Далее Городской суд указал, что утверждения, касающиеся преследования по религиозным мотивам, не были подтверждены доказательствами, и постановил следующее:

“[Г-н] Ходжаев не имеет статуса беженца в Российской Федерации, не преследовался и не преследуется на основании расы, религии, гражданства, национальности или в связи с членством в определенной группе [и] не подавал заявления о предоставлении ему российского гражданства или политического убежища».

19. 28 октября 2008 года Верховный суд России рассмотрел жалобу заявителя на постановление суда от 22 августа 2008 года и отклонил ее по тем же основаниям, которые были установлены Московским городским судом.

3. *Разбирательство по вопросу предоставления убежища*

20. 11 января 2008 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему политического убежища в Управление Федеральной миграционной службы по городу Москве («ФМС города Москвы»).

21. 11 января 2008 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему защиты в Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в России («УВКБ ООН»).

Выяснилось, что в течение последующих месяцев персонал УВКБ ООН не допускали к заявителю.

22. 16 мая 2008 года ФМС города Москвы отказала в предоставлении заявителю политического убежища. Дата уведомления заявителя о принятом решении не установлена.

23. Заявитель обжаловал решение ФМС города Москвы от 16 мая 2008 года в суд. В неустановленный день Замоскворецкий районный суд города Москвы отказал в принятии жалобы заявителя ввиду неуплаты государственной пошлины. Заявитель обжаловал данный отказ.

24. 18 ноября 2008 года Московский городской суд отменил решение Замоскворецкого районного суда города Москвы и постановил принять жалобу к производству без уплаты государственной пошлины. Установлено, что судебное разбирательство по обжалованию решения ФМС города Москвы не завершено.

25. 26 ноября 2008 года персонал УВКБ ООН опросил заявителя.

В. Сообщение Властей по делу

1. Предыстория дела

26. 22 июня 2000 года следователь Министерства безопасности Таджикистана, с санкции прокурора вынес постановление о розыске заявителя.

27. В июле 2001 года заявитель незаконно пересек границу России в поисках хорошо оплачиваемой работы. В течение следующих шести лет заявитель ни разу не подавал заявления о выдаче разрешения на временное проживание в российскую миграционную службу. Также он не подавал заявления о предоставлении ему убежища. Миграционная карта у заявителя отсутствовала.

28. 27 октября 2001 года заявитель был задержан в городе Москве в соответствии со статьей 61 Минской конвенции как лицо, находящееся в международном розыске.

29. 7 декабря 2001 года заявитель был освобожден из-за отсутствия требования о его выдаче.

30. 19 февраля 2002 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила Генеральной прокуратуре России требование о выдаче заявителя.

31. 27 февраля 2002 года органы внутренних дел получили указание о розыске заявителя.

2. Разбирательство по вопросу экстрадиции

32. 28 ноября 2007 года заявитель был задержан сотрудниками Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел.

33. В тот же день заявитель был допрошен Одинцовской прокуратурой. В заявлении, подписанной заявителем, было указано, что он бегло говорил по-русски и не нуждался в услугах переводчика. В заявлении указано следующее:

«... мне известно о том, что мое имя было внесено в список лиц, находящихся в розыске в Таджикистане. У меня нет информации о преступлении, в котором меня обвиняют в Таджикистане. Процессуальные документы из Таджикистана, которые мне были представлены, содержат мои личные данные, но я не совершал преступлений, которые в них указаны. У меня больше нет сведений по существу уголовного дела, возбужденного против меня.

... Я не подвергался преследованию в Таджикистане по политическим мотивам. Я гражданин Таджикистана и не подавал ходатайства о предоставлении мне политического убежища или статуса беженца в какие-либо учреждения, консульства, посольства или представительства».

34. 30 ноября 2007 года Городской суд рассмотрел ходатайство Одинцовской прокуратуры о заключении заявителя под стражу в ожидании экстрадиции. Запрос, в котором было указано, что заявитель подозревался в совершении тяжких и особо тяжких преступлений в Таджикистане, был озвучен в зале суда. Изучив документ под названием «Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу», Городской суд отметил, что заявитель подозревался в создании преступной организации, подстрекательстве к расовой и религиозной вражде и призыве к свержению конституционного строя Таджикистана. Городской суд вынес постановление о заключении заявителя под стражу согласно Минской конвенции и статье 108 УПК. Городской суд мотивировал свое решение тем, что заявитель являлся иностранным гражданином, не имел постоянного места работы или постоянного места жительства и, если его не заключить под стражу, то он может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или воспрепятствовать производству по уголовному делу. Заявителю было сообщено о его праве на обжалование данного постановления в Московский областной суд в течение трех дней.

35. 24 декабря 2007 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила Генеральной прокуратуре России требование о выдаче заявителя в связи с тем, что ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, относящихся к террористической деятельности.

36. 28 декабря 2007 года Городской суд вынес постановление о заключении заявителя под стражу до разрешения вопроса о его экстрадиции согласно статьям 108 и 466 УПК. Указанный документ именовался «Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу». Заявителю было сообщено о его праве на обжалование указанного постановления в Московский областной суд в течение трех дней.

37. Заявитель не обжаловал постановлений Городского суда от 20 ноября и 28 декабря 2007 года соответственно.

38. 11 января 2008 года заявитель впервые упомянул в ходатайствах в УВКБ ООН и ФМС города Москвы о том, что он подвергнулся преследованию по политическим мотивам в Таджикистане.

39. 4 июня 2008 года заместитель Генерального прокурора России удовлетворил требование Генеральной прокуратуры Таджикистана и постановил выдать заявителя в Таджикистан. Заявителю было сообщено о праве на обжалование данного постановления в течение десяти дней.

40. 28 июля 2008 года заявитель обжаловал постановление о его выдаче.

41. 5 августа 2008 года заявитель подал в ФМС города Москвы заявление о предоставлении ему временного убежища.

42. 22 августа 2008 года Московский городской суд отклонил жалобу заявителя на постановление о его выдаче.

43. 27 августа 2008 года заявитель обжаловал постановление суда от 22 августа 2008 года.

44. 28 октября 2008 года Верховный суд России отклонил жалобу заявителя и оставил решение суда от 22 августа 2008 года без изменения. 13 ноября 2008 года заявителю было вручено решение Верховного суда.

3. Разбирательство по вопросу предоставления убежища

45. 24 января 2008 года Генеральная прокуратура России получила ходатайство от адвоката заявителя о выдаче разрешения персоналу УВКБ ООН для посещения заявителя. Запрос от УВКБ ООН был получен Генеральной прокуратурой России только 23 июля 2008 года. В запросе не были указаны личные данные рассматриваемого персонала. Как только УВКБ ООН сообщило эти данные, Генеральная прокуратура России выдала разрешение на посещение заявителя.

46. В неустановленный день УВКБ ООН сообщило прокуратуре Московской области о том, что заявитель нуждается в международной защите.

47. 26 февраля 2008 года заявитель подал ходатайство в ФМС города Москвы о предоставлении ему статуса беженца.

48. 20 марта 2008 года должностные лица ФМС города Москвы посетили заявителя в СИЗО и опросили его.

49. Заявителю неоднократно предоставлялась возможность обосновать свои опасения о преследовании в Таджикистане. Он был опрошен госслужащими несколько раз.

50. 16 мая 2008 года ФМС города Москвы, тщательно изучив заявление о предоставлении статуса беженца заявителю, отклонила его. Заявитель обжаловал данное решение.

51. 3 июля 2008 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отказался принять к производству жалобу на решение ФМС города Москвы от 16 мая 2008 года и предложил заявителю устранить неточности в жалобе до 18 июля 2008 года.

52. 25 августа 2008 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отказался рассматривать жалобу заявителя на решение ФМС города Москвы, так как заявитель не устранил требуемые неточности.

53. 26 ноября 2008 года заявление о предоставлении временного убежища было отклонено.

54. 18 ноября 2008 года Московский городской суд отменил определение суда от 25 августа 2008 года и передал дело в суд первой инстанции.

55. 12 марта 2009 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отклонил жалобу заявителя на решение ФМС города Москвы от 16 мая 2008 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК)

56. Глава 13 УПК регулирует применение мер пресечения. Меры пресечения могут применяться к обвиняемому и подозреваемому, если существует вероятность того, что рассматриваемое лицо скроется, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (статья 97). При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, следует учитывать тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (статья 99). Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным [законом](#) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. (статья 108 § 1). При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство (статья 108 § 3). Постановление о возбуждении ходатайства

об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (статья 108 § 4). Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в вышестоящий суд в течение 3 суток со дня его вынесения (статья 108 § 11). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (статья 109 § 1), но может быть продлено на срок до шести месяцев судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя) (статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, по ходатайству следователя, внесенному с согласия прокурора субъекта Российской Федерации, до 12 месяцев (статья 109 § 3).

57. Глава 16 УПК устанавливает порядок обжалования действий и решений суда или должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (статья 123). Такие действия или бездействие могут быть обжалованы прокурору (статья 124). Постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суде (статья 125).

58. При получении от иностранного государства требования о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, Генеральный прокурор или его заместитель в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в [порядке](#), предусмотренном Кодексом (статья 466 § 1).

В. Определения Конституционного Суда России

1. Определение Конституционного Суда №101-О от 4 апреля 2006 года

59. Проверяя соответствие части первой статьи 466 УПК РФ Конституции РФ, Конституционный Суд сослался на ранее принятое им решение о том, что избыточное, неограниченное по продолжительности, произвольное и неконтролируемое содержание

под стражей несовместимо с частью 1 статьи 22 Конституции Российской Федерации и пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах («Пакт»), включая дела об экстрадиции..

60. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в Статье 22 и главе 2 Конституции, также как и нормы главы 13 Пакта, полностью применимы при разрешении вопросов, связанных с содержанием под стражей лица, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции. Таким образом, статья 466 § 1 УПК не предполагает возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков применения данной меры пресечения.

2. *Определение Конституционного суда № 158-О от 11 июля 2006 года по запросу Генерального прокурора о разъяснении*

61. Генеральный прокурор Российской Федерации просил Конституционный Суд разъяснить определение № 101-О от 4 апреля 2006 г. (см. выше), и ответить на вопрос, в каком порядке должно осуществляться продление сроков содержания под стражей лиц, к которым данная мера пресечения применена в соответствии со статьей 466 УПК РФ для обеспечения их возможной выдачи иностранному государству.

62. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства на том основании, что разрешение данного вопроса выходит за рамки компетенции Конституционного суда и относится к ведению судов общей юрисдикции.

3. *Определение Конституционного суда №333-О-Р от 1 марта 2007 года*

63. В этом определении Конституционный Суд вновь повторил, что статья 466 УПК РФ не предполагает возможность применения к лицу, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции, меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно - процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков.

С. Решение Верховного суда

64. Верховный суд Российской Федерации в своем решении от 14 февраля 2003 года удовлетворил заявление Генерального прокурора и признал ряд международных и региональных организаций террористическими, включая ХТ (также известную как «Партия исламского освобождения») и запретил их деятельность на территории России. В отношении ХТ суд установил, что ее целью является устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Всемирного исламского Халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Совет Европы

65. Рекомендация № R (98) 13 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы относительно прав лиц, ищущих убежище и получивших отказ, на эффективные средства правовой защиты в отношении решений о высылке в контексте статьи 3 Европейской конвенции по правам человека, гласит следующее:

«...

Без ущерба осуществлению любого права лицом, ищущим убежище, которое получило отказ, на обжалование такого отказа в предоставлении убежища, в соответствии с рекомендациями, кроме прочих, изложенными в Рекомендации Совета Европы № R (81) 16 Комитета министров...

1. Каждому лицу, ищущему убежище, которое получило отказ в предоставлении убежища и подлежит высылке в страну, в отношении которой такое лицо подает обоснованную жалобу, что он или она может подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказаниям.

2. В случае применения параграфа 1 данной рекомендации, средство правовой защиты перед национальным органом власти следует считать эффективным, если ...

2.2. такой орган власти уполномочен принимать решения относительно наличия условий, предусмотренных статьей 3 Конвенции и предоставлять соответствующую защиту;...

2.4. исполнение решения о высылке приостановлено до принятия решения согласно пункту 2.2.»

66. Уполномоченный по правам человека Совета Европы опубликовал Рекомендацию (CommDH(2001)19) от 19 сентября 2001 года, касательно прав иностранцев, желающих въехать на территорию государства-члена Совета Европы, и приведения в исполнение решений о высылке, часть которой гласит следующее:

«11. Важно, чтобы право на средство судебной защиты по определению статьи 13 Европейской конвенции не только было гарантировано законом, но и предоставлялось на практике, когда лицо заявляет о нарушении или вероятности нарушения прав, гарантированных Европейской конвенцией, компетентными органами власти. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть предоставлено каждому лицу, которое намерено оспорить решение о принудительном возвращении или высылке. Исполнение решения о высылке должно быть приостановлено, если заявлено, как минимум, о нарушении статьи 2 или статьи 3 Европейской конвенции».

67. Другие относящиеся к делу документы указаны в постановлении Суда по делу *Гебремедхин [Габерамадхин] против Франции*, № 25389/05, §§ 36-38, ECHR 2007-...

В. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция)

68. При исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны. По просьбе запрашивающего учреждения оно может применить и процессуальные нормы запрашивающей Договаривающейся Стороны, если только они не противоречат законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны (статья 8 § 1).

69. По получении требования о выдаче запрашиваемая страна незамедлительно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (статья 60).

70. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет направлено дополнительно (статья 61 § 1). О взятии под стражу или задержании лица до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить запрашивающую страну (статья 61 § 3).

71. Лицо, заключенное под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции согласно статье 61 § 1 Минской конвенции, должно быть освобождено из-под стражи, если запрашивающая страна не предоставит официальное требование о выдаче со всеми необходимыми сопутствующими документами в течение сорока дней после заключения лица под стражу (статья 62 § 1).

С. Доклады по Таджикистану

72. Выводы и рекомендации: Таджикистан, опубликованные Комитетом ООН против пыток от 7 декабря 2006 года (CAT/C/TJK/CO/1), относятся к следующим представляющим интерес областям, имеющим отношение к положению в области прав человека в государстве:

«Определение пыток в национальном законодательстве ... не в полной мере соответствует определению, содержащемуся в статье 1 Конвенции, особенно в том, что касается целей применения пыток и их распространения на всех должностных лиц государства и других лиц, действующих в таком качестве.

...

Существуют многочисленные утверждения о широком распространении пыток и жестокого обращения со стороны правоприменительных и следственных органов, в частности для получения признаний и использовании их в ходе уголовного

судопроизводства. Кроме того, не принимаются профилактические меры для обеспечения эффективной защиты всех членов общества от пыток и жестокого обращения.

...

Комитет также обеспокоен следующим:

a) отсутствие в законе обязательства регистрировать лиц сразу после их задержания, в том числе до официального ареста и предъявления обвинения, отсутствие надлежаще оформленных протоколов, касающихся ареста и задержания лиц, и не проведение регулярных и независимых медицинских осмотров;

b) многочисленные и постоянно поступающие сообщения о создании препятствий в получении доступа к адвокату, проведении независимой медицинской экспертизы и установлении контактов с родственниками сразу же после ареста, что обусловлено существующим законодательством и практикой, которые допускают отсрочку вышеуказанных контактов до регистрации факта ареста, а сам доступ предоставляется только по разрешению/просьбе должностных лиц;

c) незаконные ограничения доступа к адвокату, врачам и членам семьи, устанавливаемые должностными лицами государства, не расследуются и не наказываются;

d) отсутствие основополагающих гарантий для обеспечения судебного надзора над заключением под стражу, поскольку прокуратура также уполномочена осуществлять такой надзор;

e) широкое распространение практики досудебного содержания под стражей, продолжительность которого может достигать 15 месяцев; и

f) большое количество лиц, умерших в период содержания под стражей.

...

Постоянно поступают заявления от достоверных источников о частом использовании сотрудниками правоохранительных органов методов допроса, запрещенных Конвенцией.

...

Имеются сообщения об отсутствии систематического обследования всех мест содержания под стражей национальными или международными надзорными органами, и что регулярный и необъявленный доступ к таким местам запрещен».

73. Организация «Международная Амнистия» в своем докладе «Центральная Азия: краткое изложение вопросов, вызвавших озабоченность в регионе с марта 2007 г. по март 2008 г.» описывает ситуацию, связанную со свободой вероисповедания в Таджикистане, следующим образом:

«Члены религиозных меньшинств и правозащитники были озабочены тем, что решения, принимаемые органами власти, ограничивали свободу религии и вероисповедания. В течение второй половины 2007 года в столице, городе Душанбе, были закрыты или разрушены незарегистрированные мечети. ... Предложенный законопроект о религии

вызывал опасения о возможном запрете незарегистрированной религиозной деятельности. Законопроект устанавливал строгие требования для регистрации, которые затруднили бы первичную или повторную регистрацию религиозным меньшинствам. В проекте также предлагалось ограничить число зарегистрированных мечетей и запретить миссионерскую деятельность. В ожидании принятия нового закона правительство не принимало заявления от вновь созданных религиозных групп для регистрации их правового статуса.

...

В ноябре [2007 г.] специальный докладчик ООН по свободе религии или вероисповедания, Асма Йахангир, опубликовала доклад о своем визите в Таджикистан в начале года. В выводах докладчика подчеркивалась «необходимость в разработке образовательной политики, нацеленной на стабилизацию продвижения и защиты прав человека и искоренение предрассудков, которые несовместимы со свободой религии или вероисповедания». В выводах также отмечалось, что процедура регистрации религиозных групп должна быть простой и понятной, и «регистрация не должна быть непременным условием для исповедания веры». Специальный докладчик рекомендовала органам власти Таджикистана обеспечить «принятие мер по противодействию террористической деятельности в соответствии со своими обязательствами, предусмотренными международным правом, законодательством о беженцах и гуманитарным правом». Она также отметила, что «независимая, нейтральная и беспристрастная судебная власть и незамедлительный доступ к услугам адвоката очень важны, чтобы гарантировать свободу религии или вероисповедания всем лицам и религиозным сообществам».

74. Всемирный доклад: Хьюман Райтс Вотч о Таджикистане, изданный в январе 2009 года, описывает положение в области прав человека в стране следующим образом:

«Свобода религии»

На момент подготовки настоящего обзора правительство не направило в парламент проект нового закона о свободе совести, вызывавший в 2007 г. резкую критику. В соответствии с законопроектом все религиозные организации должны перерегистрироваться с соблюдением таких обременительных требований, как предоставление адресных данных на всех, кто в любой момент за последние 10 лет был членом организации. Предполагается также запретить иностранным гражданам возглавлять религиозные организации.

...

Меры в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом

По представлению генерального прокурора Верховный суд Таджикистана признал экстремистской организацию «Хизб-ут-Тахрир», выступающую за восстановление халифата мирными средствами. Власти продолжали арестовывать ее членов и предавать их суду по обвинению либо в подрывной деятельности, либо в разжигании расовой,

национальной или религиозной вражды, зачастую за одно лишь хранение печатных материалов.

...

Случаи пыток и смерти в местах заключения

Принятое в Таджикистане определение пыток не в полной мере соответствует рекомендациям Комитета ООН против пыток от декабря 2006 г. Позитивным шагом стало изменение в марте 2008 г. Уголовно-процессуального кодекса с целью обеспечения недопустимости в суде полученных под пыткой доказательств.

Эксперты признают, что в большинстве случаев практика пыток остается безнаказанной. В одном из немногих дошедших до суда дел двое сотрудников милиции из Хатлонской области в августе 2008 г. были осуждены за незаконное обращение с несовершеннолетними: один получил четыре года, второй - условный срок.

НПО и местные СМИ сообщали, по меньшей мере, о трех случаях смерти в местах заключения в 2008 г., включая смерть от рака бывшего заместителя председателя Партии исламского возрождения Таджикистана Шамсиддина Шамсиддинова. В партии утверждали, что его арест в 2003 г. был политически мотивированным и что своевременная операция могла бы его спасти.

В постановлении по жалобе «Рахматов и другие против Таджикистана» от 1 апреля 2008 г. Комитет ООН по правам человека признал правительство ответственным за нарушение прав человека, включая право не подвергаться пыткам, в отношении пяти заявителей, двое из которых на момент ареста были несовершеннолетними. При рассмотрении жалобы Правительство Таджикистана не сотрудничало с Комитетом ООН. Аналогичные нарушения были признаны комитетом 30 октября 2008 г. в постановлении по жалобе «Хусейнов и Бутаев против Таджикистана».

75. Пострановой доклад Государственного департамента США о состоянии в области прав человека в 2008 году, выпущенный 25 февраля 2009 года, содержит следующую информацию относительно Таджикистана:

«Таджикистан – это авторитарное государство, политическая жизнь которого регулируется Президентом Эмомали Рахмоном и его сторонниками ...

Качество деятельности правительства в области прав человека остается на низком уровне. Коррупция препятствует демократическим и социальным реформам. Поступали сообщения о следующих проблемах в области прав человека: ... случаи пыток и жестокого обращения с лицами, содержащимися под стражей, и прочими лицами со стороны сил безопасности; угрозы и оскорбления со стороны сил безопасности; безнаказанность сил безопасности, продолжительное заключение под стражу до начала судебного процесса, лишение права на справедливое судебное разбирательство; суровые и опасные для жизни условия заключения, не предоставление международным наблюдателям доступа к заключенным; ... ограничение свободы вероисповедания, включая свободу богослужения; ...

Закон запрещает ... практику [пыток и прочего жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания], однако, по имеющимся данным, сотрудники служб безопасности ее применяют. Должностные лица не предоставляют надлежащего доступа к информации, чтобы правозащитные организации могли провести независимое расследование по жалобам о применении пыток.

Сотрудники служб безопасности, в частности сотрудники Министерства внутренних дел, продолжают практику избиений и прочих форм насилия для получения признаний во время допроса. Избиения и прочие формы жестокого обращения также часто использовались в местах лишения свободы. Исследование 2008 года, проведенное региональной неправительственной организацией «Бюро по правам человека и соблюдению законности», достоверно показало предвзятое отношение системы уголовного правосудия к сотрудникам правоохранительных органов, которые получали признания от лиц, заключенных под стражу. Уголовный кодекс не дает точного определения пыток, а правоохранительные органы страны не разработали эффективных методов выявления возможных нарушителей.

...

Министерство юстиции продолжает отказывать в доступе в тюрьмы или места содержания под стражей для представителей международного сообщества и гражданского общества, пытающихся провести расследование по жалобам о жестоком обращении или условиях. Некоторым иностранным дипломатическим миссиям и неправительственным организациям был предоставлен доступ для реализации программ помощи или выполнения консульских функций, но такой доступ для их представителей был ограничен административными или медицинскими участками при сопровождении персонала министерства юстиции. Правительство не подписало договор с Международным комитетом Красного креста (МККК), предусматривающий свободный и беспрепятственный доступ в тюрьмы и центры содержания под стражей, а персонал МККК по международному мониторингу не вернулся в страну после его отъезда в 2007 году.

В течение года лица, содержащиеся под стражей, и заключенные подавали жалобы о жестоких и опасных для жизни условиях, включая переполненность таких учреждений и

отсутствие санитарных условий. Заболевания и голод являются серьезными проблемами, но внешние наблюдатели не имели возможности точно оценить степень серьезности данной проблемы из-за отсутствия доступа. Организации, такие как Совет ООН по правам человека, сообщали о значительном уровне заболеваемости туберкулезом и ВИЧ и низком качестве медицинского обслуживания.

...

Правительство не внесло никаких значительных изменений в Уголовно-процессуальный кодекс со времен Советского Союза, и система уголовного правосудия не могла защитить лиц от произвольного задержания или заключения под стражу.

...

Жертвы насильственных действий со стороны служб безопасности могут подать официальную жалобу в письменной форме руководителю должностного лица. Однако большинство жертв предпочитают молчать, чем страдать от мер возмездия со стороны органов власти.

...

Прокуроры уполномочены выносить постановление об аресте, а постановление о заключении под стражу до начала судебного разбирательства не требует санкции суда. Закон позволяет органам внутренних дел при определенных обстоятельствах заключать подозреваемых под стражу без соответствующего постановления, но обязывает уведомить прокурора в течение 24 часов с момента задержания. Содержание под стражей до начала судебного разбирательства в исключительных обстоятельствах может длиться до 15 месяцев. Местные прокуроры вправе выносить постановление о заключении под стражу до начала судебного разбирательства на срок до двух месяцев, последующее заключение под стражу должно быть санкционировано прокурором более высокого уровня. Обвиняемый вправе подать ходатайство о судебном пересмотре постановлений о заключении под стражу. Однако судьи редко сомневались в правильности решений о заключении под стражу, и наблюдатели обычно рассматривали такой пересмотр как формальность.

Лица после задержания имеют право на адвоката. Правительство обязано назначить защитников тем, кто не в состоянии оплатить услуги своего адвоката. На практике правительство не всегда предоставляло адвокатов, а те, которых оно предоставляло, обычно действовали в интересах правительства, а не клиента. Отсутствует система освобождения под залог, хотя лица, содержащиеся под стражей по обвинению в преступлении, могут быть освобождены из-под стражи условно, но не должны покидать место жительства до суда. В соответствии с законом членам семьи должен быть предоставлен доступ к заключенным только после предъявления обвинения. Должностные лица иногда отказывали адвокатам и членам семьи в доступе к лицам, содержащимся под стражей. Органы власти удерживали под стражей многих лиц без права переписки и

непосредственного общения с родственниками и защитником в течение длительных периодов времени без предъявления им официального обвинения.

...

Хотя закон предусматривает независимость судебной власти, на практике исполнительная власть и криминально-правовые структуры оказывают давление на прокуроров и судей. Коррупция и неэффективность являются значительными проблемами.

Уголовно-процессуальный кодекс наделяет прокурора несоразмерными властными полномочиями над судьей и адвокатами. Данная власть заключается в контроле над официальным расследованием и наблюдении за всем производством по делу. «Надзорные полномочия», предоставленные законом, позволяют прокурору опротестовывать решение суда за пределами обычных процедур обжалования. Прокуроры могут фактически обеспечить отмену судебного решения или его пересмотр вышестоящим судом по истечении сроков на обжалование. Такие полномочия препятствуют установлению независимой судебной власти.

Президент наделен полномочиями по назначению и отстранению от должности судей и прокуроров с согласия парламента. Судьи всех уровней часто плохо подготовлены и имеют крайне ограниченный доступ к справочным правовым материалам. Низкая заработная плата судей и прокуроров делает их уязвимыми к взяточничеству, которое остается обычной практикой. Судьи подвержены политическому влиянию.

Судебные разбирательства являются открытыми, за исключением разбирательств по делам, касающихся национальной безопасности. Закон предусматривает презумпцию невиновности, но на практике подозреваемых заранее считают виновными. ...В делах, касающихся национальной безопасности, присяжные, состоящие из председателя суда и двух «народных заседателей», принимают решение о виновности или невиновности подсудимого. Квалификация заседателей и то, как их выбирают, неизвестны, но они играют пассивную роль, а судебным процессом руководит председатель суда.

В соответствии с законом дела должны быть рассмотрены судьей в течение 28 дней после предъявления обвинения, однако, большинство дел затягивается на месяцы. По закону суды назначают адвокатов за счет государства, однако, на практике органы власти часто лишали задержанных лиц доступа к услугам адвоката.

Лица, которым было предъявлено обвинение, неизбежно признавались виновными. Судьи часто отдавали предпочтение неподтвержденным показаниям сотрудников правоохранительных органов, особенно сотрудникам [Министерства безопасности] и часто игнорировали отсутствие вещественных доказательств.

В соответствии с законом, как обвиняемые, так и их защитники имеют право на исследование всех доказательств, представленных правительством, проводить очные ставки, опрашивать свидетелей и предоставлять доказательства и свидетельские

показания. Никому не запрещено давать свидетельские показания и, в принципе, все свидетельские показания должны быть рассмотрены в равной степени. Закон предусматривает право на обжалование. Закон предоставляет права обвиняемого всем гражданам.

...

Конституция предусматривает свободу вероисповедания, однако правительство устанавливает ограничения, и уважение к свободе вероисповедания исчезает.

Совет Уламо (совет мусульманского духовенства) занимается толкованием вероисповедания, которому должны следовать имамы на всей территории страны. В то время как совет официально является независимым религиозным органом, на практике он сильно подвержен влиянию правительства. Духовное ведомство при Министерстве культуры отвечает за общее управление всеми религиозными организациями. Духовное ведомство после консультации с органами власти регистрирует и утверждает все места поклонения. Что касается мусульман, Духовное ведомство контролирует все аспекты участия в хадже, включая выбор участников. В течение года президент Рахмон основал центр мусульманских учений для управления религиозной политикой.

Правительство продолжает налагать ограничения на личное поведение и ограничивать деятельность религиозных групп, которые считало «угрозой для национальной безопасности». ... Государственные служащие регулярно посещали мечети для контроля деятельности, наблюдали за теми, кто посещал мечети, и проверяли аудио и видеоматериалы для доказательства экстремистских и антиправительственных действий. Духовное ведомство продолжало проверять у имамов их религиозные знания и обеспечивало, чтобы они следовали официальным точкам зрения по религиозным вопросам.

...

Озабоченность правительства по поводу иностранного влияния привела в результате к введению ограничительных мер, направленных против религиозных меньшинств. Правительство не отменило запрет в отношении движения ХТ, которое классифицируется как экстремистское исламское политическое движение. Органы власти ввели ограничительные меры против еще одной исламской организации под названием Салафис.

...”

ПРАВО

I. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

76. Заявитель утверждал, что в случае его выдачи в Таджикистан он будет подвергнут жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции. Он также заявлял, что

российские органы власти не оценили риск жестокого обращения с ним в запрашивающей стране. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

1. Власти

77. Власти возражали против доводов заявителя.

78. Власти Таджикистана утверждали, что в период с 1998 года по 2000 год заявитель входил в преступную группировку, созданную с целью свергнуть конституционный строй Таджикистана, и, как участник ХТ, распространял информацию, направленную на разжигание расовой и религиозной вражды, набирал новых членов в незаконную группировку.

79. 14 февраля 2003 года Верховный суд России признал ХТ террористической организацией и запретил ее деятельность на территории Российской Федерации.

80. На первом допросе, проводимом Одинцовской прокуратурой 28 ноября 2007 года, заявитель на вопрос о том, преследовался ли он по политическим мотивам, дал отрицательный ответ и заявил, что приехал в Россию, чтобы найти работу.

81. 20 марта 2008 года заявитель утверждал, что он бежал из Таджикистана из-за преследования со стороны Министерства безопасности Таджикистана, но не предоставил никаких доказательств в поддержку своего утверждения. Вместо этого, он заявил, что его брат был приговорен к девяти годам заключения, так как являлся членом ХТ. По мнению Властей, заявитель, наверняка, был осведомлен о деятельности ХТ.

82. Заявитель не мог преследоваться по религиозным мотивам, так как ислам является официальной религией Таджикистана. Более того, ни одна из многочисленных религиозных групп в Таджикистане не является объектом преследования.

83. Заявитель не подавал заявления о предоставлении ему статуса беженца по прибытии в Россию и в течение последующих шести лет. ФМС города Москвы, тщательно изучив обстоятельства его дела, пришла к заключению, что заявитель не отвечал критериям «беженца». ФМС города Москвы исследовало политическую и экономическую ситуацию в Таджикистане, обращая особое внимание на работу судебной системы и системы исправительных учреждений, а также на отношении таджикских органов власти к мусульманам.

84. Генеральная прокуратура Таджикистана предоставила дипломатические заверения относительно того, что заявитель подвергнется преследованию только в отношении

преступлений, в совершении которых он обвиняется и которые указаны в требовании о выдаче, что он сможет беспрепятственно покинуть Таджикистан по завершению производства в суде и отбытия наказания. Власти Таджикистана также заверили, что заявитель не будет выслан, передан или выдан третьему Государству без согласия российских властей. Задачей Уголовного кодекса Таджикистана является защита прав человека, а приговор, выносимый обвиняемому, не может преследовать цели причинить физические страдания лицу или унижить его достоинство.

85. Министерство иностранных дел России уведомило Генеральную прокуратуру России об отсутствии оснований, препятствующих выдаче заявителя, поскольку Таджикистан, являясь членом ООН, взял на себя обязательство соблюдать Всеобщую декларацию прав человека и создать институт Уполномоченного по правам человека в Таджикистане. Помимо этого, Таджикистан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Конвенцию о беженцах 1989 года, Конвенцию против пыток 1984 года и другие договоры. Российские органы власти официально признали Таджикистан светским демократическим государством.

86. Утверждения Заявителя о риске жестокого обращения с ним в Таджикистане не были подтверждены. Следовательно, его выдача не может повлечь обращение, которое запрещено статьей 3 Конвенции.

2. Заявитель

87. Заявитель сообщил российским властям о риске преследования из-за его предполагаемого участия в деятельности ХТ. В частности, 22 августа 2008 года, он сообщил Московскому городскому суду, что в 2001 году ему стало известно о возможном заключении его под стражу по возвращении в Таджикистан. Заявитель числился в списке лиц, находящихся в розыске с 2001 года, что также подтверждалось заключением под стражу 27 октября 2001 года в ожидании экстрадиции в Таджикистан. Заявитель утверждал, что на допросе в Московском городском суде 22 августа 2008 года ему не предоставили адвоката. Соответственно, заявитель не мог осознавать правовые последствия своего утверждения о том, что он прибыл в Россию в поисках работы. Он также заявлял, что его право ходатайствовать о предоставлении статуса беженца не было ограничено во времени: он не обязан был обращаться в ФМС сразу по прибытии в Россию. Заявитель ставил под сомнение законность дипломатических заверений, указанных в деле. В целом, заявитель утверждал, что его выдача в Таджикистан повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции.

В. Оценка суда

1. Приемлемость

88. Суд отмечает, что требование заявителя о нарушении статьи 3 Конвенции не является явно необоснованным согласно статье 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает,

что отсутствуют другие основания считать жалобу неприемлемой. Таким образом, Суд объявляет жалобу приемлемой.

2. *Существо жалобы*

(а) **Общие принципы**

89. Суд прежде всего отмечает, что плохое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы попасть в сферу действия статьи 3. Суд подчеркнул относительный характер оценки минимального уровня жестокости: он зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст подобного обращения и наказания, способы и методы их исполнения, продолжительность указанного обращения, его воздействие на физическое и психическое состояние лица, а в некоторых случаях, и от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (смотри дело Т. против Великобритании [GC], №24724/94, § 68, 16 декабря 1999 года). Утверждение о жестоком обращении должно быть подтверждено соответствующими доказательствами. Для их оценки Суд применяет критерий доказанности «вне разумного сомнения», но добавляет, что такая доказанность может следовать только из строгих, ясных и согласованных умозаключений или неопровержимых презумпций (смотри Йаллох против Германии [GC], № 54810/00, § 67, ECHR 2006-IX).

90. Далее Суд напоминает, что решение государства-участника о выдаче может повлечь за собой нарушение статьи 3 и как следствие ответственность государства согласно Конвенции, если имелись веские основания полагать, что выданное лицо столкнется с реальным риском подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию в стране, требующей его экстрадиции. Чтобы возложить такую ответственность, необходимо оценить условия в этой стране в сопоставлении их с требованиями статьи 3 Конвенции. При этом вопрос об ответственности страны, в которую осуществляется экстрадиция, не возникает ни в соответствии с международным правом, ни в соответствии с Конвенцией, ни каким бы то ни было иным образом (смотри Серинг против Великобритании, 7 июля 1989 года, § 91, Серия А №161).

91. Для оценки доказанности того, подвергнется ли заявитель жестокому обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, Суд обязан изучить все представленные доказательства по делу или, в случае необходимости, получить доказательства по собственной инициативе (смотри Н.Л.Р. против Франции, 29 апреля 1997 года, § 37, Доклады о судебных постановлениях и решениях 1997-III). В силу того, что характер ответственности государства-участника по статье 3 в подобных делах определяется исходя из самого акта выдачи, ставящего лицо в ситуацию риска жестокого обращения, наличие такого риска должно оцениваться, главным образом, с точки зрения фактов, которые были известны или должны были быть известны государству-участнику в момент выдачи лица (смотри Круз Варас и другие против Швеции, 20 марта 1991 года, §§ 75-76, Серия А №201, и Вилварайах и другие против Великобритании, 30 октября 1991 года, § 107, Серия А № 215). Однако если заявитель не был экстрадирован на момент

рассмотрения дела Судом, Европейский Суд будет рассматривать дело в свете судебных процедур до момента подачи жалобы (смотри Чахал против Великобритании, 15 ноября 1996 года, §§ 85-86, Доклады 1996-V).

92. Для того чтобы определить, существует ли риск жестокого обращения с заявителем, Суд обязан рассмотреть последствия его возможной выдачи, учесть общую обстановку в принимающем государстве и обстоятельства дела заявителя (смотри Вилварайах и другие, приведено выше, § 108 в конце). Принципиальным для заявителя является предоставление доказательств, подтверждающих риск жестокого обращения, противоречащего статье 3 (смотри Н. против Финляндии, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 года). Если такие доказательства предоставлены, Власти обязаны устранить все имеющиеся сомнения (смотри Рябкин против России, № 8320/04, § 112, 19 июня 2008 года).

93. Что касается общей обстановки в отдельно взятом государстве, Суд считает, что он вправе придать особую важность информации, содержащейся в недавних докладах международных организаций по защите прав человека, таких как «Международная амнистия», или сведениям из государственных источников, включая Государственный департамент США (смотри, например, Чахал, приведено выше, §§ 99-100, Муслим против Турции, №53566/99, § 67, 26 апреля 2005 года, Саид против Нидерландов, № 2345/02, § 54, 5 июля 2005 года, и Аль-Моайад против Германии (решение), № 35865/03, §§ 65-66, 20 февраля 2007 года). В то же время наличие одной возможности жестокого обращения вследствие неустойчивой обстановки в принимающей стране само по себе не может составить нарушение статьи 3 (смотри Вилварайах и другие, приведено выше, § 111, и Фатган Катани и другие против Германии (решение), №67679/01, 31 мая 2001 года). Если источники, доступные Суду, содержат описание общей обстановки, конкретные утверждения заявителя должны быть подкреплены другими доказательствами (смотри Маматкулов и Аскарлов против Турции [GC], № 46827/99 и 46951/99, § 73, ECHR 2005-I).

(b) Применение вышеприведенных принципов в настоящем деле

94. В соответствии с указанной выше практикой, Суду необходимо установить, приведут ли предполагаемые последствия выдачи заявителя в Таджикистан к нарушению статьи 3 Конвенции. Ввиду того, что заявитель еще не выдан в Таджикистан, благодаря примененному Правилу 39 Регламента Европейского Суда, датой оценки такого риска является дата рассмотрения дела Судом.

95. По утверждению заявителя, его опасения о возможном жестоком обращении в Таджикистане обоснованы двумя факторами. Во-первых, ссылаясь на ряд докладов, заявитель утверждает, что общее положение в области прав человека в принимающем государстве является плачевным. Во-вторых, он заявляет, что он лично понесет более высокий риск жестокого обращения, чем какое-либо другое лицо, заключенное под стражу в Таджикистане, так как таджикские органы власти подозревают его в причастности к деятельности ХТ.

96. Соответственно, Суд в первую очередь рассмотрит вопрос о том, может ли общая политическая обстановка в Таджикистане служить основанием для жестокого обращения по отношению к заявителю в принимающей стране. В этой связи суд отмечает, что согласно утверждениям Властей, Таджикистан уважает основные права человека. Однако в делах, касающихся иностранцев, в отношении которых решается вопрос об экстрадиции, Суд имеет право сравнить доказательства, предоставленные Властями, с доказательствами, полученными из надежных и объективных источников (смотри Салах Шейх против Нидерландов, № 1948/04, § 136, ECHR 2007-I и Саади против Италии [GC], № 37201/06, § 131, ECHR 2008-...).

97. Суд в этом отношении отмечает, что доказательства, полученные из ряда объективных источников, недвусмысленно, подтверждают, что общая ситуация в области прав человека в Таджикистане вызывает серьезную озабоченность. Например, Комитет против пыток указал, что таджикское законодательство в отношении запрета пыток не полностью соответствует тексту Конвенции против пыток, что само по себе вызывает подозрения о степени защиты, предоставляемой тем, кто заявляет о жестоком обращении. Комитет также подчеркнул, что часто факт заключения под стражу нигде не фиксируется, и лица, заключенные под стражу, лишены права на адвоката и медицинское обслуживание, и часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (смотри параграф [72](#) выше). Организация «Международная амнистия» сообщила, что свобода вероисповедания в Таджикистане связана ограничениями, налагаемыми органами государственной власти (смотри параграф [73](#) выше). Организация «Хьюман Райтс Вотч» отметила, что освобождение государственных служащих от ответственности за применение пыток является нормой в рассматриваемом государстве (смотри параграф [74](#) выше). Государственный департамент США также сообщил о частом применении пыток сотрудниками безопасности и отметил, что государственные органы отказывали независимым наблюдателям в беспрепятственном доступе в места лишения свободы, включая сотрудников Международного комитета Красного креста (смотри параграф [75](#) выше).

98. Доводы властей не убедили Суд в том, что факт ратификации Таджикистаном основных документов по правам человека исключает риск жестокого обращения в запрашивающей стране. Наличие соответствующих положений внутреннего права и ратифицированных международных договоров, гарантирующих уважение основных прав человека, само по себе недостаточно для обеспечения соответствующей защиты от риска жестокого обращения. В настоящем деле надежные источники сообщают о действиях, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегают или которые допускают органы власти (смотри Саади, приведено выше, § 147 в конце). В связи с тем, что Власти не смогли убедительно доказать, что ситуация в области прав человека в Таджикистане значительно улучшилась по сравнению с той ситуацией, которая была описана в вышеупомянутых докладах организаций, Суд готов признать, что жестокое обращение с лицами, заключенными под стражу, является проблемой в Таджикистане и по настоящий момент.

99. Тем не менее, Суд отмечает, что приведенные выше аргументы об общей ситуации в принимающем государстве должны быть подтверждены конкретными доказательствами и требуют также наличия других доказательств (смотри Маматкулов и Аскарлов, приведено выше, § 73). В этой связи Суд также обязан проверить, оценили ли органы власти риск жестокого обращения к моменту принятия решения о выдаче (смотри Рябикин, приведено выше, § 117).

100. Заявитель утверждал, что риск подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане усугублялся характером преступления, в котором он обвиняется. В этой связи, Суд отмечает, что заявитель обвинялся в причастности к деятельности ХТ, транснациональной исламской организации. Суд напоминает, что в делах подобного рода, где заявитель утверждает, что он или она является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению, вступает в действие защита, предусмотренная статьей 3 Конвенции, если заявитель докажет на основании информации, содержащейся в недавних докладах независимых международных организаций по защите прав человека или в государственных источниках, что имеются достаточные основания полагать о распространенности указанного обращения и членстве заявителя в представляющей интерес группе (смотри *Саади*, приведено выше, § 132). При таких обстоятельствах Суд не будет настаивать на том, чтобы заявитель доказывал наличие особых дополнительных факторов, т.к. это приведет к иллюзорности защиты, предусмотренной статьей 3 (смотри *Муминов против России*, № 42502/06, § 95, 11 декабря 2008 года, и *НА. против Великобритании*, № 25904/07, § 116, 17 июля 2008 года).

101. Заявитель находился в розыске в Таджикистане, поскольку обвинялся в причастности к деятельности ХТ, что он отрицал. Принимая во внимание доклады авторитетных организаций (смотри, в частности параграфы [73](#) и [75](#) выше), Суд считает, что имеются достаточные основания полагать о наличии преследования членом или сторонником такой организации, характеризующейся как политическими, так и религиозными целями. Ссылка Властей на то, что заявитель не подал ходатайство о предоставлении ему убежища по прибытии в Россию, не может опровергнуть его утверждения о риске жестокого обращения с ним, так как защита, предусмотренная статьей 3 Конвенции в любом случае шире, чем защита, предусмотренная статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года (смотри, с внесенными изменениями, *Саади*, приведено выше, § 138).

102. Соответственно, Суд считает, что представлены достаточные доказательства того, что заявитель понесет риск обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае его выдачи Таджикистану.

103. Суд отмечает, что Власти ссылались на заверения Генеральной прокуратуры Таджикистана в том, что заявитель не подвергнется жестокому обращению в принимающем государстве (смотри параграф [84](#) выше). В этой связи Суд подчеркивает, что он уполномочен проверить, могут ли дипломатические заверения на практике являться достаточным обеспечением того, что заявитель будет защищен от риска обращения, запрещенного Конвенцией. Суд отмечает, что гарантии, предоставленные в

настоящем деле, являются достаточно неопределенными и неточными, и, следовательно, суд обязан поставить под вопрос их значимость. Суд также напоминает, что одних дипломатических заверений недостаточно для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в том случае, если надежные источники сообщают о действиях, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегают или которые допускают органы власти принимающего государства (смотри Саади, приведено выше, §§ 147-48).

104. Наконец, Суд рассмотрит утверждение заявителя о том, что российские органы власти не провели тщательного расследования о возможном жестоком обращении в запрашивающей стране. Власти признали, что 11 января 2008 года, почти за пять месяцев до получения требования о выдаче, заявитель сообщил российской миграционной службе о том, что он подвергался преследованию в Таджикистане по политическим мотивам (смотри параграф 38 выше). Тем не менее, при пересмотре жалобы на постановление о выдаче, Московский городской суд и Верховный суд России лишь заявили, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено и что его утверждения о преследовании по религиозным основаниям в Таджикистане были необоснованны (смотри параграфы 18 и 19 выше). Поэтому Суд не может прийти к заключению, что российские органы власти должным образом исследовали опасения заявителя в отношении статьи 3 в процессе судебного разбирательства по вопросу экстрадиции.

105. Таким образом, Суд приходит к выводу, что исполнение решения о выдаче заявителя повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции.

II. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель утверждал, что согласно статье 5 § 1 (f) Конвенции его непрерывное нахождение в заключении под стражей в ожидании экстрадиции было «неправомерным». Во-первых, до 21 декабря 2007 года он содержался под стражей в отсутствие официального требования о его выдаче. Во-вторых, внутригосударственные суды не продлевали срок содержания под стражей. Он также сослался на статью 5 § 2, заявив, что ему не сообщили о причинах его задержания. Наконец, заявитель, основываясь на положениях статьи 5 § 4, заявил, что, во-первых, его заключение под стражу не подвергалось судебному контролю и, во-вторых, он был лишен права на пересмотр правомерности его заключения под стражу из-за отсутствия доступа к адвокату в течение первых двух недель заключения под стражу.

107. В той мере, в которой это относится к делу, статья 5 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет [право на безотлагательное рассмотрение](#) судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

1. Власти

108. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своих жалоб по статье 5 Конвенции, а также он не обжаловал неправомерность или продолжительность его заключения под стражу до разрешения вопроса об экстрадиции в прокуратуру или в суд. Власти также утверждали, что заявитель не обжаловал постановления от 30 ноября и 28 декабря 2007 года.

109. Далее Власти заявили, что заключение заявителя под стражу было необходимо в целях обеспечения его выдачи в Таджикистан и отвечало требованиям законности в соответствии с российским законодательством и международным правом. Вопрос выдачи заявителя рассматривался без промедления и надлежащим образом.

110. 28 ноября 2007 года сотрудник Одинцовской прокуратуры уведомил заявителя о причинах его задержания. Во время допроса заявитель четко указал в письменном виде, что он не подвергался преследованию по политическим мотивам и не являлся беженцем. В течение последующих двух недель заявитель не требовал предоставить ему адвоката.

111. Срок заключения заявителя под стражу в ожидании экстрадиции соответствовал требованиям статьи 109 УПК, которая применялась в деле заявителя в силу определения Конституционного суда от 4 апреля 2006 года. Период содержания под стражей до завершения разбирательства по вопросу экстрадиции для лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, не может превышать двенадцати месяцев. Срок содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции составил десять месяцев. Срок содержания заявителя под стражей, хотя и не указанный в постановлении Городского суда от 28 декабря 2007 года, установлен статьей 62 Минской конвенции и статьей 109 УПК. Следовательно, по утверждению Властей, заявитель мог быть заключен под стражу на сорок дней до получения требования о его выдаче и на срок до двенадцати месяцев до завершения разбирательства по требованию о его выдаче. Заявитель воспользовался

правом на процедуру, позволяющую ему оспорить правомерность его заключения под стражу.

2. Заявитель

112. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей было неправомерным, так как срок заключения не был продлен национальным судом. Он также предъявил свои требования по статье 5 §§ 2 и 4.

В. Оценка суда

1. Приемлемость

(а) Статья 5 § 2 Конвенции

113. Суд принял к сведению довод Властей о неисчерпании средств правовой защиты в отношении требований заявителя по статье 5 § 2 Конвенции. Однако суд не считает необходимым рассматривать этот вопрос по следующей причине.

114. Суд повторяет, что статья 5 § 2 Конвенции содержит первоначальное средство правовой защиты, заключающееся в том, что задержанное лицо должно знать причину своего ареста. Данное положение является неотъемлемой частью системы защиты, предусмотренной статьей 5: в силу параграфа 2 любому задержанному лицу надлежит сообщить на простом, непрофессиональном языке, который он способен понять, существенные правовые и фактические обстоятельства его ареста. Если задержанный сочтет необходимым, он может обратиться в суд, чтобы оспорить правомерность ареста в соответствии с параграфом 4. В то время как информация об аресте должна быть доведена до сведения заявителя в установленные сроки, сотрудник, осуществляющий задержание, не обязан сообщать ее в полном объеме непосредственно в момент задержания. Содержание и оперативность предоставления информации должны оцениваться в соответствии с особенностями каждого дела (смотри *Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Великобритании*, 30 августа 1990 года, § 40, Серия А № 182).

115. Суд также напоминает, что в случае задержания лица по подозрению в совершении преступления, Статья 5 § 2 не требует, чтобы необходимая информация была облечена в определенную форму или, чтобы она включала полный перечень предъявляемых обвинений (смотри *Бордовский против России*, №49491/99, § 56, 8 февраля 2005 года). В то время как недостаточность информации о предъявленных обвинениях, может иметь отношение к праву на справедливое судебное разбирательство согласно статье 6 Конвенции для лиц, задержанных в соответствии со статьей 5 § 1 (с), данный принцип не применим к задержанию с целью экстрадиции, так как такое судебное разбирательство не связано с установлением вины в совершении преступления (смотри *К. против Бельгии*, №10819/84, Решение комиссии от 5 июля 1984 года, Решения и доклады (DR) 38, стр. 230).

116. В этой связи Суд ссылается на заявление, подписанное заявителем, из которого следует, что в день его задержания он изучил некоторые процессуальные документы, касающиеся уголовного дела, возбужденного против него в Таджикистане, и заявил, что он не совершал преступлений, в которых обвинялся (смотри параграф [33](#) выше). При таких обстоятельствах Суд считает, что информация, предоставленная заявителю российскими органами власти, была достаточной и соответствовала их обязательствам по статье 5 § 2 Конвенции (смотри *Эминбейли против России*, № 42443/02, § 57, 26 февраля 2009 года, и *Бордовский*, приведено выше, § 57).

117. Таким образом, данная часть жалобы явно необоснованна по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции и отклоняется согласно статье 35 § 4.

(b) Статья 5 §§ 1 и 4 Конвенции

118. Что касается довода Властей о неисчерпании средств правовой защиты, суд полагает, что данный вопрос тесно связан с существом жалобы заявителя по статье 5 § 4 Конвенции и считает необходимым связать возражение Властей с существом заявления.

119. Далее Суд отмечает, что требования заявителя по статье 3 Конвенции не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что других оснований считать их неприемлемыми не установлено. Таким образом, Суд объявляет требования заявителя приемлемыми.

2. Существо

(a) Статья 5 § 4 Конвенции

120. В первую очередь Суд рассмотрит жалобы заявителя по статье 5 § 4 Конвенции.

121. Суд напоминает, что цель статьи 5 § 4 – обеспечить задержанных и заключенных под стражу лиц правом на судебный контроль за законностью меры, применяемой в отношении них (смотри, с внесенными изменениями, *Де Вилде, Оомс и Версин против Бельгии*, 18 июня 1971 года, § 76, Серия А № 12). Средство правовой защиты должно быть предоставлено во время заключения лица под стражу, что позволит лицу добиться безотлагательного пересмотра правомерности задержания судом. Такой пересмотр может, если это целесообразно, привести к освобождению лица из-под стражи. Наличие средства правовой защиты, предусмотренного статьей 5 § 4, должно быть бесспорным. Его отсутствие ведет к недостатку доступности и эффективности, необходимых для целей данного положения (смотри *Талат Тене против Турции*, № 31247/96, § 72, 21 декабря 2004 года).

122. В первую очередь Суд отмечает, что Власти не предоставили подробную информацию о доступных правовых средствах для обжалования правомерности содержания заявителя под стражей до завершения разбирательства по вопросу экстрадиции. Власти только сослались на возможность подачи жалобы прокурору или в

суд, они также утверждали, что заявитель мог подать жалобу на постановления от 30 ноября и 28 декабря 2007 года.

123. Суд отмечает, что оба постановления от 30 ноября и 28 декабря 2007 года именовались «Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу» и ссылались на статью 108 УПК как на законное основание. Также указывалось, что постановления могут быть обжалованы в Московский областной суд в течение трех дней с момента их вынесения (смотри параграфы [34](#) и [36](#) выше).

124. Суд согласен, что статья 108 § 11 УПК предоставила заявителю возможность обжаловать первое постановление о его заключении под стражу, а именно, постановление от 30 ноября 2007 года. Однако Власти не пояснили, почему постановление от 28 декабря 2007 года вновь установило меру пресечения, а не продлило срок содержания под стражей, несмотря на то, что постановление от 30 ноября 2007 было в силе, а мера пресечения, применяемая к заявителю, оставалась прежней. Суд отмечает, что в национальном праве отсутствовали возможные средства обжалования второго постановления о заключении под стражу, и считает, что при таких обстоятельствах заявитель не был обязан обжаловать постановление от 28 декабря 2007 года.

125. Если допустить, что заявитель все-таки не использовал доступные средства правовой защиты на национальном уровне в отношении постановлений от 30 ноября и 28 декабря 2007 года, Суд отмечает, что стороны согласились с тем, что заявитель находился в заключении более десяти месяцев в ожидании экстрадиции. Суд считает, что в течение этого периода могли возникнуть новые факторы, влияющие на правомерность его заключения под стражу, и, соответственно, в силу статьи 5 § 4 заявитель имел право обратиться в «суд» для «безотлагательного» рассмотрения «законности» его заключения в свете новых факторов, возникших после вынесения постановления о его первоначальном заключении под стражу (смотри *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, § 146, 24 апреля 2008 года).

126. Власти утверждали, что заявитель мог обратиться в суд или в прокуратуру и обжаловать законность заключения под стражу, но не сослались на конкретные положения национального права. В связи с этим, Суд напоминает, что Власти, заявляющие Суду о неисчерпании средств правовой защиты, обязаны обеспечить доступность таких средств, как в теории, так и на практике и в соответствующее время, другими словами, чтобы средство правовой защиты было достижимым, предусматривало возмещение по требованиям заявителя и предполагало разумную вероятность успеха (смотри *Селмоуни против Франции* [GC], №25803/94, § 76, ECHR 1999-V, и *Мифсуд против Франции* (решение), № 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII). Далее Суд напоминает, что национальные средства правовой защиты должны быть «эффективными», то есть должны предотвращать предполагаемое нарушение или его возобновление, или предоставлять соответствующее возмещение, если оно произошло (смотри *Кудла против Польши* [GC], №30210/96, § 158, ECHR-XI).

127. Во всяком случае, не рассматривая вопрос о том, какой конкретный вид обращения к прокурору или в суд предусматривает превентивное или компенсационное возмещение по заявленным нарушениям статьи 5 Конвенции, Суд напоминает, что положения статей 108 и 109 УПК не позволяют задержанным в ожидании экстрадиции обжаловать правомерность заключения под стражу в отсутствие ходатайства прокурора о продлении срока меры пресечения (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06, § 88, 11 октября 2007 года, *Исмоилов и другие*, приведено выше, § 151, и *Муминов*, приведено выше, § 114). Более того, Суд сомневается в том, что положения главы 16 УПК о праве «участников уголовного судопроизводства» на обжалование принятых в ходе предварительного расследования решений в прокуратуру (статья 124 УПК) или в суд (статья 125 УПК), могут быть применены в деле заявителя, так как нет данных, подтверждающих его участие в уголовном судопроизводстве по смыслу, придаваемому российскими судами (смотри *Муминов*, приведено выше, § 115).

128. При таких обстоятельствах Суд не удовлетворен тем, что положения национального права препятствовали обжалованию правомерность заключения заявителя под стражу.

129. Суд приходит к заключению, что Власти не обеспечили доступность применимых средств правовой защиты, как на законодательном уровне, так и на практике, и соответственно, такие средства правовой защиты не являются «доступными» и «эффективными» (смотри *А. и Е. Риис против Норвегии*, № 9042/04, § 41, 31 мая 2007 года, и *Вернилло против Франции*, 20 февраля 1991 года, § 27, Серия А № 198). Возражение Властей в отношении неисчерпания средств правовой защиты, таким образом, отклоняются.

130. Соответственно, в течение срока содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции, он был лишен доступа к какой-либо процедуре обжалования законности такого содержания. Соответственно, Суд не считает нужным рассматривать утверждение заявителя об отсутствии доступа к услугам адвоката в течение первых двух недель заключения под стражей.

131. Таким образом, имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

(b) Статья 5 § 1 Конвенции

132. Статья 5 закрепляет основное право человека, а именно защиту каждого от произвольного вмешательства государства в его право на свободу (смотри *Аксой против Турции*, 18 декабря 1996 года, § 76, *Доклады 1996-VI*). Статья 5 четко определяет, что предусмотренные в ней гарантии применяются к «каждому» (смотри *А. и другие против Великобритании [GC]*, № 3455/05, § 162, ECHR 2009-...). Исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых лицо может быть лишено свободы на законных основаниях, приводится в статье 5 § 1 (a) - (f). Лишение свободы, выходящее за рамки этого перечня, не может быть признано законным (там же, § 163).

133. Стороны сошлись во мнении, что заявитель был заключен под стражу как лицо, «против которого было возбуждено судебное разбирательство с целью ... выдачи», и что его заключение под стражу подпадало под действие статьи 5 § 1 (f). Однако стороны расходятся во мнении о том, было ли заключение под стражу «законным» по смыслу статьи 5 § 1 Конвенции.

134. При рассмотрении «законности» заключения под стражу, включая вопрос о соблюдении «порядка, установленного законом», Конвенция в основном отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы национального законодательства. Однако Конвенция также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало целям статьи 5, а именно – защите лиц от произвола (смотри *Эркало против Нидерландов*, 2 сентября 1998 года, § 52, Доклады 1998-VI, и *Стил и другие против Великобритании*, 23 сентября 1998 года, § 54, Доклады 1998-VII).

135. Несмотря на то, что толкование и последующее применение национального законодательства является приоритетным для национальных властей и, в частности для судов, несоответствие национального законодательства пункту 1 статьи 5 Конвенции означает нарушение Конвенции. Суд, таким образом, вправе и обязан рассмотреть соответствие национального права Конвенции (смотри *Бенхам против Великобритании*, 10 июня 1996 года, § 41, Доклады 1996-III, *Йекиус против Литвы*, №34578/97, § 68, ECHR 2000-IX, и *Ладент против Польши*, №11036/03, § 47, ECHR 2008-...).

136. Исследовав обстоятельства настоящего дела, Суд отмечает, что требование о выдаче заявителя сопровождалось постановлением о его розыске, выданным таджикским следователем, а не решением таджикского суда. Первоначальное заключение заявителя под стражу 30 ноября 2007 года было совершено согласно постановлению российского суда и в соответствии со статьей 108 УПК, а также положениям Минской конвенции, регулирующим меры заключения под стражу.

137. Суд принимает во внимание утверждение Властей о том, что заключение заявителя под стражу регулировалось статьей 62 § 1 Минской конвенции, и отмечает, что данное положение санкционирует заключение под стражу на срок до сорока дней до получения официального требования о выдаче (смотри параграф 71 выше). Время содержания заявителя под стражей до вынесения официального требования о его выдаче составило двадцать четыре дня. При таких обстоятельствах Суд считает, что заключение заявителя под стражу до получения официального требования о выдаче от таджикских органов власти, а именно, с 27 ноября до 21 декабря 2007 года, в этом смысле было «правомерным».

138. Однако возникает вопрос, достаточно ли одного постановления городского суда от 30 ноября 2007 года для содержания заявителя под стражей в течение неопределенного периода времени до принятия решения о выдаче, или же необходимо регулярно проверять правомерность его содержания под стражей (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06,

§ 73, 11 октября 2007 года). (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06, § 73, 11 октября 2007 года).

139. По мнению Властей, срок заключения под стражу регулируется Статьей 109 УПК, которая допускает в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, продление срока заключения под стражу до двенадцати месяцев. В то же время Суд отмечает, что заключение под стражу будет «законным» по смыслу Статьи 109 § 2 УПК только при наличии дополнительного судебного постановления (смотри параграф [56](#) выше).

140. Согласно утверждению Властей, заключение заявителя под стражу было санкционировано городским судом на основании статьи 108 УПК первоначально 30 ноября 2007 года, а затем 28 декабря 2007 года (смотри параграфы [34](#) и [36](#) выше). Суд озабочен тем фактом, что один и тот же городской суд повторно избрал ту же меру пресечения в отношении заявителя спустя один месяц и двадцать девять дней после своего первого решения, хотя заявитель в течение этого периода все еще содержался под стражей. Тем не менее, Суд готов допустить, что 28 июня 2008 года городской суд ошибочно сослался на статью 108 УПК, которая регулирует первоначальное заключение под стражу, а не продление срока такого заключения, и фактически продлил этот срок до истечения двух месяцев, как того требует статья 109 § 2 УПК.

141. Ввиду отсутствия постановления национального суда о продлении срока заключения заявителя под стражу, Суд приходит к выводу, что после 29 мая 2008 года, а именно, через шесть месяцев со дня заключения заявителя под стражу, он содержался в нарушение положений статьи 109 § 2 УПК. Таким образом, заключение заявителя под стражу в ожидании экстрадиции не может считаться «правомерным» для целей статьи 5 § 1 Конвенции для целей статьи 5 § 1 Конвенции.

142. Таким образом, имело место нарушения статьи 5 § 1 Конвенции.

III. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ

143. Заявитель жаловался, что уголовное судопроизводство, возбужденное против него в Таджикистане, будет «вопиюще» несправедливым. Он полагался на статью 6 Конвенции, соответствующие части которой предусматривают, что:

«1. Каждый в случае спора ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом,...»

144. Власти возражали против доводов заявителя.

145. Заявитель поддержал свои требования.

A. Приемлемость

146. Суд отмечает, что данное требование не является явно необоснованным по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Других оснований считать жалобу неприемлемой не установлено, следовательно, Суд признает ее приемлемой.

В. Существо

147. Суд ссылается на ранее принятое решение о том, что выдача заявителя в Таджикистан повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции (смотри параграф [105](#) выше). Вне сомнения Государство-ответчик исполнит настоящее постановление суда, поэтому Суд не видит необходимости рассматривать гипотетический вопрос о том, будет ли нарушена статья 6 § 1 Конвенции в случае выдачи заявителя в Таджикистан (смотри *Саади*, приведено выше, § 160).

IV. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

148. Заявитель утверждал, что он не имел никаких эффективных средств правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений статей 3 и 5 Конвенции, что в свою очередь противоречит статье 13 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

149. Власти оспорили утверждения заявителя и заявили, что у него были эффективные средства правовой защиты по отношению к его жалобам.

150. Заявитель поддержал свои требования.

151. Суд отмечает, что требования заявителя о предполагаемом риске жестокого обращения с ним в Таджикистане уже рассматривались в контексте статьи 3 Конвенции. Ссылаясь на приведенные выше доводы (смотри параграф [104](#) выше), Суд считает, что если жалоба по статье 13 в сочетании со статьей 3, является приемлемой, нет необходимости отдельно рассматривать данную жалобу по существу в свете статьи 13 (смотри, *с внесенными изменениями, Шайпова и другие против России*, №10796/04, § 124, 6 ноября 2008 года, и *Макарациз против Греции* [GC], № 50385/99, §§ 84-86, ECHR 2004-XI).

152. Что касается требований о нарушении статьи 13 в сочетании со статьей 5 Конвенции, Суд напоминает, что в соответствии с установленной практикой Суда, статьи 5 §§ 4 и 5 являются *lex specialis* по отношению к статье 13 и устанавливают специальные гарантии. Учитывая изложенное выше, Суд считает, что нет необходимости рассматривать данную жалобу по статье 13 в контексте статьи 5.

V. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

153. Основываясь на статье 6 § 2 Конвенции, заявитель утверждал, что в постановлении от 4 июня 2008 года заместитель Генерального прокурора России заявил в утвердительной форме, что заявитель совершил преступления, и в силу этого суд должен признать его виновным.

154. Основываясь на имеющихся материалах по делу и действуя в пределах своей компетенции, Суд установил, что заявитель не предоставил доказательств о каких-либо нарушениях прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явна необоснованная согласно статье 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

155. Статья 41 Конвенции предусматривает, что:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

156. Заявитель потребовал выплаты 15000 евро в качестве возмещения морального вреда.

157. Власти считают заявленную сумму несоразмерной.

158. Суд отмечает, что в настоящем деле установлен ряд нарушений и признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть возмещен лишь установлением факта нарушений. Таким образом, Суд считает уместным присудить ему в качестве компенсации 15000 евро.

B. Пени

159. Суд считает уместным, что пени в связи с выплатой компенсации должны быть установлены в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального банка, плюс 3%.

ВВИДУ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решил* рассмотреть по существу возражение Властей о неисчерпании внутренних средств правовой защиты в отношении требований заявителя по статье 5 Конвенции и отклонил его;

2. *Объявил* требования заявителя по статьям 3, 5 §§ 1 и 4, 6 § 1 и 13 приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
3. *Постановил*, что приведение в действие требования о выдаче заявителя в Таджикистан повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции;
6. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать вопрос, повлечет ли за собой выдача заявителя в Таджикистан нарушение Статьи 6 § 1 Конвенции;
7. *Постановил*, что отдельных вопросов по Статье 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений статьи 3 и 5 Конвенции не возникает;
8. *Постановил*
  - (a) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления в силу постановления Суда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, в качестве возмещения морального вреда, 15000 евро (пятнадцать тысяч евро), а также сумму любых взимаемых налогов, подлежащих переводу в Российские рубли по курсу, действующему на дату платежа;
  - (b) что с момента истечения указанных ранее трех месяцев до момента платежа выплачивается простой процент от вышеупомянутой суммы в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального Банка в течение срока неуплаты, а также 3%.

Составлено на английском языке, надлежащее уведомление осуществлено 20 мая 2010 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Христос РОЗАКИС
Председатель Палаты